

Ирке

Соленый морской ветер
нес золу и пепел нам в лицо*.

ДАФНА ДЮМОРЬЕ,
«Ребекка»

Пришли и сказали (дитя, мне страшно),
пришли и сказали, что он уходит.
Зажгла я лампу (дитя, мне страшно),
зажгла я лампу и пошла к нему.
У первой двери (дитя, мне страшно),
у первой двери пламя задрожало.
У второй двери (дитя, мне страшно),
у второй двери пламя заговорило.
У третьей двери (дитя, мне страшно),
у третьей двери пламя умерло.

<...>

А если он возвратится,
что мне ему сказать?
Скажи, что я и до смерти
его продолжала ждать**.

МОРИС МЕТЕРЛИНК,
«Двенадцать песен»

Кто вышел, кто пришел,
кто рассказывает, кто умер?

ЛЕВ ТОЛСТОЙ

* Перевод Г. Островской.

** Вольный перевод.

I

И потом, — сказал Игорь, — у нас живые деньги.

— В смысле большие?

— Да нет. — Он поморщился. — У кого как. Но у нас зависит реально от того, какой человек. У вас плохой чело-

век мочь иметь много, много. У нас быть не так. У нас человек отличный, хороший, мочь иметь практически бесконечно, а дурной, злобна морда, лишаться последнее. Это быть так устроено. Такие быть зверьки. Сам мелкий, коричневый, шкурный-шкурный. Нос розовый, мягкий. Рот такой, с язык внутри. Такой весь как бы плюшевый. Ты его получать за своя работа. И если ты его холить, лелеять, учесывать шкурка, то он расти, расти, размножаться. Он размножаться сам, от хорошее отношение. Но если ты забывать про зверек, не учесывать зверек, не гладить, не кормить, не менять подстилка, то он чахнуть, сохнуть,дохнуть и умирать.

И ты уже не мочь поменять его на еда, пища. Тогда просить займы один-другой зверек, но не все давать. Очень удобно.

— И Сбербанк называется звербанк.

— Банк есть, да. Но обычно хозяин уже привязаться к свой зверек, расставаться крайне неохотно. И зверек, если хозяин хороший, не хотеть уходить. Он приводить еще, еще. Тогда быть много, много зверек. Некоторые, конечно, все равно надо менять на продукты, одежда... Но это редко. На один зверек можно месяц кормить большая семья. И если их хорошо ухаживать, они никогда не умирать практически. Жить долго, много долго, как долгожитель с красивый, гостеприимный Кавказ.

— А бывать случаи, когда нерадивый зверьковладелец сосать лапа, умирать голод,дохнуть? — спросила Катька.

— Так не мочь быть, — покачал головой Игорь. — Быть гуманность, дорожить каждый член общества. Ему говорить: ты понимать теперь, как чувствовать себя недокормленный зверек? Он кивать: да, да, плакать, каяться. Тогда ему давать сразу много харлаш, много камбас, дурык, иногда бараласкун. Он поглощать, благодарить, начинать новая жизнь. Приговаривать: уж зверек ты мой зверек, уж я тебя так и сяк.

— Бараласкун — это местная выпивка?

— Да, будем считать, что типа того. Ну, не сильная, не водка — а вроде, допустим, бодрящего вина. Я лично очень люблю дурык.

— От него делаешься дурык?

— Дурык никогда не делаешься. Дурык либо родишься, и тогда уже ничто не поможет, — либо нет, и тогда

тебе ничто не угрожает. Ты дурык, но у тебя интерфейс симпатичный. У нас там тоже как у вас: если женщина дурык, но хороша собой — ей многое прощается. У нее всегда зверьков полны клетки, бараласкун в постель каждое утро, харлаш по праздникам. Счет дайте, пожалуйста.

— У тебя хватит? — спросила Катька.

— Если не хватит, я ей дам зверька. Но, вообще, надо как-то менять дислокацию. Они тут так стали драть, что я на тебе разорюсь. У нас женщина всегда платит за мужчину. Потому что, если наоборот, он будет думать, что теперь имеет на нее право. У нас все тонко продумано. Я не хочу сказать, что у нас идеальный мир. Это было бы анкурлык, невежливо. Но все-таки у нас думают о людях, а у вас только выделываются друг перед другом. Если бы не ты, я бы уже с ума сошел.

— Спасибо, — сказала Катька. — Это вежливо, курлык. Типа пошли?

— Типа пошли, — он оставил полтинник на чай и с трудом вылез из-за крошечного столика. В китайском «Дракон» было особенно заметно, какой Игорь большой. Тут все было маленькое: порции, чашечки, кружечки, официанточки, — все, кроме цен.

— Ну, ты ползти домой? — Он никогда ее не провожал, Катька на этом настаивала — наш муж иногда выходил встречать Катьку, и нам совершенно не было нужно, чтобы наш муж знакомился с наш Игорь.

— Да, я, вероятно, ползти. А ты лететь свой идеальный мир Свиблово?

— Угу. Я улетать и жестоко тосковать. Вспоминать гордая земная женщина, небольшая, но душевная. Полетели когда-нибудь ко мне, честное слово. Я тебе покажу, как там все у нас.

— Это, знаешь, у нас тут на Земля, во времена моя далекая и прекрасная молодость, бывали иногда студенческие каникулы.

— Каникулы? Что это — каникулы?

— Ну, это типа вашего бурундук, но короче, — сымпровизировала она, и он, как всегда, мгновенно подхватил:

— Бурундук — это столовый прибор. Отпуск называется «бырындык». Во всех словах с позитивной модальностью присутствует «ы». Ты, мы, курлык.

— Ну вот, у нас тут были кыныкылы, — сказала Катька. — И я ездила в пансионат под Москву, с дывчонками. И если какой-нибудь пырень звал к себе в кымнату, то он говорил дывушке: «Пойдем посмотрим, как я живу». Это был такой ывфемизм. Некоторым девушкам так нравились эти комнаты, что они потом часто ходили их смотреть. Тогда образовывался бесхозный мальчик, напарник этого счастливца. Комнаты были на двоих только. Иногда мальчика кто-нибудь приючивал, а иногда он спал в танцзале под роялем. Ты тоже мне хочешь показать, как живешь?

— Очень хочу, — серьезно сказал Игорь. — Вот как увидел, так захотел показать. Я живу один, без напарного мальчика. Я живу не сказать чтобы очень хорошо, но стараюсь. Наверное, я все-таки живу лучше, чем эти ваши студенты.

— Да, наши тогдашние студенты совершенно не умели жить.

— И часто ты ходила смотреть комнаты?

— Моим первым мужчиной был однокурсник, мне было семнадцать лет, — сказала Катька.

— За что я тебя люблю, мать, так это за чистоту, простоту и прямоту. А кто был твоим вторым мужчиной?

— Ты будешь шестой, — честно сказал она. — И то я еще подумаю.

— То есть возможно, что я буду восьмой? Ты хочешь передо мной еще потренироваться на ком-то?

— Нет, что ты будешь шестой — это я тебе твердо обещаю. Но это будет не завтра, не послезавтра, вообще не скоро. Все очень серьезно, очень.

— Я так тебя лыблю, Кать, — сказал Игорь. — Мне даже страшно будет тебе показывать, как я живу. Я вообще боюсь тебя как-нибудь уязвить, испортить...

— Слушай, мне категорически пора.

— А, да-да. Все уже с ума сходят. Меня-то никто не ждет.

— Игорь, бить на жалость у нас считается анкурлык.

— У вас все нормальные человеческие проявления считаются анкурлык, — сказал Игорь, поймал ей машину и уехал к себе в Свиблово, далекое, как Альфа Козерога.

Вылезая из машины и заходя в подъезд, Катька на всякий случай нашла Альфу Козерога, как он учил. Приятно было думать, что Игорь там. Вот он вошел, голосом открыл дверь, привычно поприветствовал электричество, чтобы оно зажглось, легким усилием воли переоделся в халат, уселся за стол, включил компьютер — а к его ногам радостно побежали живые деньги, стали тереться, прося вкуснятины. Игорь, вероятно, чертыхнулся, как всегда, когда его отвлекали, но в глубине души был доволен: когда живое существо нас поджидает и от нас зависит, это всегда большая радость. Ну, положим, не всегда, подумала она, открывая дверь вечно заедающим ключом.

Трудней всего оказалось научиться переключением — буквально, с физической осязаемостью перево-

дить какой-то внутренний рычажок в положение «выкл», и Катька даже представляла этот рычажок — черный, пластмассовый. Не сказать, чтобы таким образом она выключала внутренний свет: она переводила его в другой регистр. Первая антипатия к нашему мужу и даже, страшно сказать, к Подуше сразу проходила, как только Катька попадала в свою двухкомнатную жизнь, невыносимую, конечно, но и родную. Тут все было другое — «наша родина, сынок», — и требовались другие вещи, и она сама удивлялась, сколько у нее в голове, оказывается, живет народу — каждый активизируется, когда востребован, а в остальное время спит мертвым сном или по крайней мере исчезает из поля зрения. Возможно, он даже что-то делает, пока мы за ним не следим, и именно этим определяется настроение. Та Катька, которая была с Игорем, дома безутешно рыдала, но помалкивала. Если она подавала голос, ее тут же приходилось затыкать. Ее все бесило: манера мужа оставлять тарелки в раковине (мыть посуду — не наше дело!), свекровь Любовь Сергеевна, забредшая в гости (она жила неподалеку и навещала их раза два в неделю, выходной, не выходной), вечно включенный телевизор, до сих пор не уложенный ребенок и даже нянька ребенка, которой, между прочим, платили доллар в час — и она торчала до восьми, а то и до девяти вечера: «Полинка без вас не засыпает!» Не засыпает — ну так скинь ее на мужа и ступай, но ведь и муж наш чаще всего вдавливаются в логово только после десяти, и он в своем праве, ибо в турконторе зарабатывает больше нас. Ему надо расслабляться, он страшно напрягается. Это мы не имеем права явиться после девяти и при всяком опоздании бываем подозрительно расспрашиваемы: с кем это мы, что мы...

Наша жизнь определена широким кругом мелких обязанностей, тогда как единственная, но суперважная обязанность нашего мужа — зарабатывать деньги, мы копим на трехкомнатную, и больше с нас при всем желании ничего не спросишь. Ведь сами мы приносим в дом от силы шестьсот, хорошо, если семьсот баксов, с левыми заказами иногда набежит у нас штука, вот и теперь нас еще ждет оформление брошюры «Если ты заложник», просили повеселей.

Игорь был единственным на новой работе, с кем можно было разговаривать. Если не считать подруги Лиды, но ее Катька знала не первый год, вместе учились и посильно помогали друг другу с заказами. «Офис» был отвратительным местом, если честно, — но только наедине с Игорем Катька могла себе в этом признаться. Его делали для несуществующей прослойки успешных и состоявшихся людей от двадцати пяти до сорока (сначала, она помнила, было до тридцати пяти: верхняя граница оптимального читательского возраста отодвигалась по мере старения идеологов). «Офис» печатал исторические очерки о сигарах, написанные безработным историком; обзоры выставок, сочиненные безработным искусствоведом; справки о нобелевских лауреатах, накопанные в Интернете безработным физиком; но в основном там появлялись статьи непонятно о чем, в которых Катька не понимала ни единого слова и потому иллюстрировала их яркими абстрактными композициями. Там было что-то о деловой этике. Она поняла только одну статью — об организации корпоративных вечеринок: оказывается, чтобы дать сотрудникам надлежащую мотивацию, необходимо было регулярно проводить День Босса. Босса Катька нарисовала с такой мерой ненависти, что испы-